

Научная статья
УДК 343.2
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.8

Original article

КЛИМАНОВА Ольга Валериевна
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
e-mail: klimanovaov@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-7924-355X>

KLIMANOVA Olga Valerievna
Samara National Research University named
after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia.

О КОМПРОМИССНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЦА ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ)

COMPROMISE CRIMINAL LAW RELATIONS (ON THE EXAMPLE OF RELEASING A PERSON FROM
CRIMINAL LIABILITY IN VIEW OF RECONCILIATION WITH THE VICTIM)

Аннотация. В публичных отраслях права закрепились нормы и институты, основанные на удовлетворении частного интереса. В уголовном праве проблема соотношения частного и публичного стоит особенно остро с учетом значимости охраняемых отношений и особой власти государства при решении вопросов уголовной ответственности. Один из наиболее ярких примеров выражения частных начал в уголовном праве – освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Этой норме уделено основное внимание ввиду неопределенности основания освобождения от уголовной ответственности и противоречивого раскрытия в судебных решениях названных в этой статье условий освобождения от уголовной ответственности. Цель: исследовать компромиссные уголовно-правовые отношения и рассмотреть возможность совершенствования нормы ст. 76 УК РФ и практики ее применения исходя из компромиссной природы этой нормы и содержания регулируемых ею отношений. Методы: эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, частнонаучные методы: юридино-догматический и толкования правовых норм. Результаты: сделан вывод о значимости оставления достаточных пределов усмотрения правоприменителя при освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Усмотрение должно быть ограничено единственным образом – законодательным. Именно в законе следует определить основание принятия решения в целях обеспечения баланса публичного и частного интересов и в соответствии с компромиссным характером соответствующей нормы. Без такого основания

Abstract. Norms and institutions based on satisfying private interests have been established in public branches of law. In criminal law, the problem of the relationship between private and public principles is particularly acute, given the importance of protected relations and the special power of the state in resolving issues of criminal liability. One of the most striking examples of the expression of private principles in criminal law is the release of a person from criminal liability in view of reconciliation with the victim (Art. 76 of the Criminal Code of Russian Federation). The main attention is paid to this norm due to the uncertainty of the grounds for releasing from criminal liability and contradictory disclosure in court decisions of the conditions of releasing from criminal liability mentioned in this article. Purpose: to study compromise criminal law relations and to consider the possibilities of improving the norm of Article 76 of the Criminal Code of Russian Federation and the practice of its application, based on the compromise nature of this norm and the content of the relations regulated by it. Methods: empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the article concludes that it is important to leave sufficient discretion to the law enforcement officer when releasing a person from criminal liability in view of reconciliation with the victim. Discretion should be limited in the only way – by legislation. It is in the law that the basis for the decision should be defined in order to balance public and private interests and in accordance with the compromise nature of the relevant rule. Without such a basis, judicial practice will remain contradictory. In the absence

судебная практика останется противоречивой. В отсутствие легальных пределов усмотрения Верховный Суд РФ порой императивно устанавливает запреты применения ст. 76 УК РФ, что разрушает основы компромисса в уголовном праве.

Ключевые слова: восстановительное правоотношение, заглаживание вреда, компромисс, освобождение от уголовной ответственности, примирение с потерпевшим, публичный интерес, частный интерес, уголовно-правовое отношение

Для цитирования: Климанова О.В. О компромиссных уголовно-правовых отношениях (на примере освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) / О.В. Климанова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 78–88.

of legal limits of discretion, the Supreme Court of the Russian Federation sometimes imperatively bans the application of Article 76 of the Criminal Code, which destroys the foundations of compromise in criminal law.

Keywords: restorative legal relationship, reparation for harm, compromise, release from criminal liability, reconciliation with the victim, public interest, private interest, criminal law relationship

For citation: Klimanova O.V. Compromise Criminal Law Relations (on the Example of Releasing a Person from Criminal Liability in View of Reconciliation with the Victim). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 78–88. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.8.

ВВЕДЕНИЕ

Об особенностях реализации частных интересов в публичных отраслях права говорят многие и давно, что связано с выбором концепции прав человека в качестве конституционной основы развития и систематизации всего российского отраслевого законодательства, а также с трудностями обеспечения баланса противоположностей – частного и публично-го начал. Как правило, речь идет об условных «соглашениях», которые могут иметь разные формы, например, мирового соглашения, соглашения о подсудности в гражданском процессе, досудебного соглашения о сотрудничестве и согласия лица с предъявленным обвинением в уголовном процессе, освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в уголовном праве. На самом деле примеров соглашений гораздо больше, причем не только в публичных отраслях права процессуального направления (особенно цивилистического), но и уголовно-правового. Считается, что это проявление в отечественной правовой системе процессов конвергенции частного и публичного права [1; 2; 3]. Субъекты правоотношений, даже публичных, могут распоряжаться своими правами, это допускает возможность заключения соглашения [4, с. 12–13], пусть и специфического.

В уголовном праве понятие частного интереса связывают в первую очередь с фигу-

рой потерпевшего. Как правило, речь идет об особом виде уголовно-правовых отношений – восстановительных. Они выделяются по критерию назначения, сопоставимого с целями уголовного принуждения, в данном случае – восстановления социальной справедливости, и с учетом задачи восстановления прав потерпевшего, нарушенных преступлением [2, с. 42–43]. Эти отношения нетипичны для уголовного права, ориентированного в основном на регулирование охранительных отношений в связи с совершением преступлений, и с точки зрения субъектного состава. В типичных уголовно-правовых отношениях (отношениях уголовной ответственности) субъектами являются государство и лицо, совершившее преступление (в публичных отраслях права одним из субъектов регулируемого отношения всегда является государство). В восстановительных же правоотношениях, как отмечают многие исследователи, потерпевший становится самостоятельным субъектом [см., например: 5, с. 26–29]. Однако полный субъектный состав восстановительных отношений и, соответственно, их содержание – характеристика прав и обязанностей этих лиц – в законе однозначно не закреплены, а приблизительно намечены с использованием управомочивающих норм. В них предполагается возможность выбора варианта поведения с учетом определенных критериев, и нерешенность соответствующих критери-

альных вопросов влечет практические трудности и ставит под сомнение эффективность применения восстановительных процедур в уголовном праве. Рассмотрим эти вопросы на самом распространенном примере реализации частного интереса в уголовном праве – освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Многие исследователи отказывают потерпевшему в возможности быть самостоятельным субъектом восстановительных отношений, в особенности при совершении преступления против публичных интересов, иногда называя его «субсидиарным участником» правоотношения [6, с. 58–60]. Однако если возмещение причиненного преступлением вреда является условием освобождения от ответственности, роль потерпевшего иная. Это касается примирения: для инициирования такого процесса необходимо заявление потерпевшего. Значит, потерпевший – полноценный субъект особого уголовно-правового отношения. Вопрос только – с кем?

Такие отношения невозможны без лица, совершившего преступление. Содержанием их называют обычно право потерпевшего обратиться к государству с требованием не применять к преступнику меры уголовно-правовой репрессии и право виновного примириться с потерпевшим и загладить причиненный вред [5, с. 26–29]. Отношения между преступником и потерпевшим обычно определяют как «горизонтальные», учитывая частный статус обоих субъектов.

Полагаем, что в данном случае есть третий обязательный субъект – государство, у которого возникает корреспондирующая соответствующим правам преступника и потерпевшего обязанность рассмотреть вопрос о возможности освобождения лица от ответственности. Вне государственного участия правоотношения были бы сугубо гражданско-правовыми.

Уголовно-правовые восстановительные отношения имеют в большей части публичный и «вертикальный» вид. Такой вывод об-

условлен не только статусом государства, но и тем, что корреспондирующая примирению обязанность государства связана не с непосредственным освобождением от ответственности, а с обязанностью рассмотрения соответствующего вопроса и принятия решения с учетом наличия необходимых условий и оснований (а не только самого факта примирения), что расширяет свободу волеизъявления государства. В ст. 76 УК РФ сказано: «Лицо... может быть освобождено от уголовной ответственности...». А может и не быть.

Иногда подобные отношения классифицируют и как компромиссные. Компромисс предполагает правоотношение, возникающее между лицом, совершившим преступление, и государством по поводу преступления, в результате которого достигается соглашение о прекращении (смягчении) уголовно-правового воздействия со стороны государства на виновное лицо в обмен на совершение последним определенных в законе положительных посткриминальных поступков [7, с. 8]. Порой, подчеркивая сильное частноправовое начало компромисса в уголовном праве, его правильно определяют через термин «сделка» [8, с. 9–13, 29–30].

Тезис о бескомпромиссности борьбы с преступностью остался в прошлом, сейчас в уголовной политике явно выражено стремление государства легализовать разные формы компромисса между лицом, совершившим преступление, и органами правосудия как нормальные инструменты контроля преступности. Целесообразность существования компромисса в уголовном законе не подвергается сомнению, вопрос – в его пределах и качестве применения, в сочетании частной и публичной воли. Настаивая на преимущественно публичном характере такого рода отношений, согласимся с тезисом, что законодатель связывает наступление уголовной ответственности (или освобождение от нее) в рассматриваемом случае не с волей потерпевшего, а с тем, что он видит примирение оптимальной формой разрешения уголовно-правового конфликта [9, с. 449]. Если по делам частного обвинения, например, общественная опасность преступления недостаточно высока и условно субъективна (оценивается с точки зрения потерпевшего), а потому вопрос об ответственности ставится

в полную зависимость от мнения потерпевшего, то дела о других преступлениях, в которых общественная опасность имеет «публичное» признание, предполагают только согласие потерпевшего на примирение, но окончательное решение принимает государство.

Таким образом, корень исследовательской проблемы – в определении содержания компромиссных правоотношений – прав и обязанностей изначально неравных субъектов – и в определении приоритетного интереса (частного или публичного) при принятии окончательного решения.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ОЦЕНОЧНЫМ ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ?

Условия освобождения от ответственности в связи с примирением с потерпевшим определены в законе и официальных судебных позициях. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» прямо названы два таких условия: примирение виновного с потерпевшим и заглаживание причиненного ему вреда. В ст. 76 УК РФ указано еще и на совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые.

Основанием освобождения от уголовной ответственности обычно называют снижение (утрату) общественной опасности преступления и (или) личности лица, совершившего деяние [10, с. 53–54]. Такая позиция, хотя и не единственная, представляется наиболее близкой к истине: если бы примирение с потерпевшим было основанием освобождения от ответственности, оно бы было основным (возможно, единственным) для принятия соответствующего решения правоприменителем. Но примирение является одним из условий, позволяющих рассмотреть вопрос об освобождении от ответственности.

В пользу определения в качестве основания снижения опасности преступления или личности виновного свидетельствуют и многочисленные позиции Конституционного Суда РФ. Интересно, что, по его мнению,

перечисленных в УК РФ и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 № 19 обстоятельств мало для обоснования наличия основания освобождения от уголовной ответственности, необходимо выяснять массу иных условий.

Так, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что суд вправе, а не обязан прекратить дело при соблюдении условий примирения сторон, так как должностные лица не просто констатируют наличие указанных условий, а принимают решение «с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, включая вид уголовного преследования, особенности объекта, наличие выраженного свободно волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность»¹. Также, по мнению Конституционного Суда РФ, критерии освобождения от ответственности, указанные в законе, направлены на учет обстоятельств, свидетельствующих о том, что лицо своими действиями снизило степень общественной опасности совершенного им преступления до минимума, позволяющего отказать от его уголовного преследования и прекратить дело². Представляется, что такое основание – это инструмент учета публичного интереса государства, когда несмотря на полную удовлетворенность частного интереса согласившегося примириться потерпевшего уголовное преследование продолжается.

Таким образом, итоговое решение принимается правоприменителем фактически по усмотрению, если основанием освобождения от уголовной ответственности признается снижение (утрата) общественной опасности лица или преступления – оценочные по своей природе. Полагаем неверным, что основание освобождения от уголовной ответственности не только не конкретизировано, а вообще не

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 860-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Определения Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 № 591-О-О, от 21.04.2011 № 591-О-О, от 26.10.2017 № 2257-О, от 20.12.2018 № 3399-О и № 3405-О, от 26.03.2019 № 650-О, от 25.04.2024 № 891-О и др. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

названо в ст. 76 УК РФ. Это фактически вводит в заблуждение одну из сторон компромиссного отношения (лицо, совершившее преступление), стимулируя его к совершению отдельных позитивных действий, указанных в УК РФ, в адрес, казалось бы, главного субъекта такого отношения – потерпевшего. Однако даже после состоявшегося примирения эти действия могут быть не учтены судом и нейтрализуются, например, общей отрицательной характеристикой личности, наличием криминального опыта или многообъектностью преступления.

Примечательно, что в ст. 75 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием) есть прямое указание на искомое основание: «лицо... вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Хотя эта формула может быть усовершенствована, тем не менее сам факт формулирования подобного основания наряду с условиями освобождения – верный. Ведь оно балансирует частные интересы потерпевшего на заглаживание вреда, преступника – на вступление в подобную «сделку» и освобождение от уголовного принуждения, публичный интерес государства – на предупреждение совершения новых преступлений и защиту личности, общества и государства от опасных посягательств.

УСМОТРЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ УСЛОВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Не только само основание освобождения, но даже многие из условий, которые названы в законе, оценочны, не имеют формализованного содержания и определяются правоприменителем по своему усмотрению с учетом конкретных обстоятельств, относящихся к преступлению и личности виновного, тем самым все более отдаляя лицо, совершившее преступление, от прогнозирования последствий примирения с потерпевшим и подчеркивая преимущественно публичный статус таких отношений.

Одно из таких условий – примирение с потерпевшим. Этот термин официально не раскрыт. Остановимся на наиболее удачном

определении примирения как состоявшегося на основе добровольного волеизъявления и в порядке, предусмотренном законом, урегулирования между обвиняемым и потерпевшим уголовно-правового конфликта, а также достижения между ними соглашения относительно порядка, размера и срока возмещения причиненного вреда [11, с. 45]. И дополним, что примирение юридически выражается в заявлении потерпевшего о прекращении уголовного дела (ст. 25 УПК РФ).

Однако возникает вопрос: кем определяется факт примирения? На первый взгляд, состоявшееся примирение определяется лично потерпевшим, оно может включать компенсацию имущественного и морального вреда, принесение извинений и т. п. Однако заявления потерпевшего для признания примирения состоявшимся мало, примирение подтверждается судом через исследование множества обстоятельств. Например, в отношении Т. уголовное дело по ч. 2 ст. 216 УК РФ было прекращено в соответствии со ст. 76 УК РФ. Впоследствии Верховный Суд РФ решение отменил, обратив внимание, что, несмотря на наличие заявления потерпевшего (брата погибшего) о прекращении дела в связи с примирением, судом не проверены добровольность его волеизъявления и то, что Т. принес извинения, а сумма в 50 тысяч рублей неравноценна жизни погибшего. Кроме того, не выяснено по существу его семейное положение, хотя у погибшего остались жена и трое малолетних детей, которые «будут испытывать моральные страдания на протяжении всей жизни, поскольку вырастут в неполной семье»³. То есть примирение признается состоявшимся именно судом, а не удовлетворенным потерпевшим.

Второе обязательное условие освобождения – заглаживание причиненного потерпевшему вреда. Это обстоятельство является элементом примирения, также оценочным, но, в отличие от примирения, Пленум Верховного Суда РФ определяет его содержание примерно, поясняя, что под заглаживанием вреда следует понимать «возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.06.2024 № 78-УД24-7-КЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и интересов потерпевшего (речь идет и о компенсации имущественного ущерба, и морального вреда, оказании иной необходимой помощи потерпевшему, принятии иных мер)». При этом способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим, хотя, как видно из примера выше, суд оставляет за собой право пересмотреть позицию потерпевшего относительно достаточности такой компенсации.

Поэтому закономерен вопрос о том, как определить параметры заглаживания вреда с учетом разнообразия видов преступлений, в первую очередь с точки зрения объекта, особенно если страдает публичный интерес – общества и государства. В этой связи выделим наиболее примечательные проблемы. Первая и самая очевидная – возможно ли в принципе примирение с потерпевшим по многообъектным преступлением, когда страдает и конкретный потерпевший, и общество или государство в целом. Этот вопрос не решен. Высказывается точка зрения, что к ст. 76 УК РФ в таком случае необходимо подходить формально. В ней речь идет о примирении именно с потерпевшим, условия которого исчерпывающим образом перечислены в УК РФ, а требования относительно заглаживания вреда иному объекту в законе не содержатся [12, с. 19], значит, их нет. Другие говорят о невозможности примирения по делам о многообъектных преступлениях [13, с. 87].

Как в теории, так и в судебной практике подход к определению критериев заглаживания вреда по многообъектным преступлениям не сформирован. Не решено, может ли перевесить восстановление частного интереса вред публичному и, главное, сохраняет ли лицо свою опасность в таком случае и целесообразна ли тогда уголовная ответственность?

В недавнем прошлом Верховный Суд РФ формулировал позицию прямо и недвусмысленно, позволяя судам с учетом конкретных обстоятельств дела оценивать снижение опасности личности и совершенного деяния, а также достаточность заглаживания вреда даже по ст. 264 УК РФ с учетом мнения потерпевшего. «Судебная коллегия считает неправомерным требовать от обвиняемого совершения действий, направленных на заглаживание вреда публичному объекту, в качестве усло-

вия применения ст. 76 УК РФ... Условия, изложенные в ст. 76 УК РФ, расширительному толкованию не подлежат, иных формальных условий, ограничивающих применение ст. 76 УК РФ, закон не предусматривает. Причинение смерти участнику дорожного движения не является препятствием для освобождения от ответственности»⁴. Причем такая позиция носила не прецедентный, а системный характер. Верховный Суд РФ неоднократно пояснял, что «запрета на прекращение уголовного дела при совершении преступления, причиняющего вред двум объектам, закон не содержит»⁵, «отказ в удовлетворении ходатайства потерпевшего о прекращении уголовного дела при соблюдении условий, установленных ст. 76 УК РФ, по тем лишь мотивам, что преступление совершено против здоровья человека, не основан на законе»⁶.

В последний год позиция Верховного Суда РФ в корне изменилась. Теперь усмотрение судов серьезно ограничено сформулированным запретом на примирение сторон по ст. 264 УК РФ. Основной довод, который использует Верховный Суд РФ, – понимание основания освобождения от ответственности как непосредственно связанного с характеристиками преступления, включая наличие публично признаваемой общественной опасности. Теперь при принятии решения по делам с состоявшимся примирением, даже при соблюдении всех условий ст. 76 УК РФ, судам необходимо оценить удовлетворенность в первую очередь публичного интереса. В многочисленных решениях Верховного Суда РФ говорится, что «прекращение уголовного дела по данному основанию не соответствует общественным интересам в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также... примирение не способно предотвратить в будущем подобные нарушения, поскольку прекращение дела не ограничило Б. в праве управления транс-

4 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.11.2023 № 82-УДП23-10-К7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.12.2022 № 44-УД22-44-К7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 8. С. 47–48.

портными средствами»⁷. В некоторых решениях есть прямое указание на второй объект, вред которому не возмещен: «Общественная опасность содеянного в рассматриваемом случае заключается в причинении вреда интересам государства и общества в сфере эксплуатации транспортных средств, являющихся источником повышенной опасности. В обжалуемом постановлении судом не указано, какие действия Р. расценены как загладившие вред этим общественным интересам»⁸, или, например, «дополнительный объект данного преступного деяния – это здоровье и жизнь человека, утрата которой необратима и невозполнима»⁹. О невозполнимости утраченной жизни Верховный Суд говорит многократно, даже когда примирение с потерпевшим состоялось: «Субъективное мнение потерпевшей (матери погибшего) о полном заглаживании вреда не может быть единственным подтверждением, которое являлось бы достаточным основанием для освобождения Б. от уголовной ответственности, такого снижения степени опасности содеянного, заключающегося не только в гибели человека, но прежде всего в утрате родителями своего ребенка, которая невозполнима»¹⁰. Аналогичных решений немало¹¹. Выходит, вывод об удовлетворении частного интереса публичный субъект по таким делам всецело оставляет за собой, выводя потерпевшего за рамки этих отношений и обесценивая его позицию о примирении.

Таким образом, очевидно, что без иницирования изменения закона и нормативных

судебных позиций через судебные решения по конкретным делам высшая судебная инстанция изменила подход к толкованию нормы ст. 76 УК РФ, установила ее новое содержание за счет ограничения дискреционных полномочий правоприменителя. Притом что в данном случае дискреция обоснованна и выступает в качестве единственного балансира частного и публичного интереса при применении данной компромиссной процедуры.

Конечно, лицо не снижает своей опасности, и его освобождение от ответственности за совершенное преступление нецелесообразно, если имело место последующее неоднократное нарушение правил дорожного движения тем, по чьей вине от аналогичных действий уже погиб человек¹². Весомым аргументом невозможности освобождения лица от ответственности при соблюдении всех условий ст. 76 УК РФ является и фактическая повторность преступления при юридически отсутствующей множественности.

Но Верховный Суд РФ радикально в совокупности решений 2023–2024 гг. сформулировал запрет на освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по преступлениям с двумя объектами, как представляется, лишь потому, что вред компенсирован только определенному потерпевшему или вообще не компенсирован, поскольку «утрата жизни невозполнима», а вред второму объекту не возмещен. Соглашаясь в целом с доводом о принципиальной невозможности компенсации причинения смерти (который, однако, не имеет законодательной основы, тем более что речь идет о преступлениях обычно неосторожных – с относительно невысокой степенью общественной опасности), тем не менее полагаем, что решение о возполнимости утраты должно приниматься лично потерпевшим (близким погибшего) в отсутствие прямых законодательных запретов.

Второй довод – о невозмещении вреда публичному объекту – также непоследователен. Интересно, что по другим основаниям освобождения от ответственности, например, в связи с назначением судебного штрафа, допускается возмещение вреда обществу

7 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.06.2024 № 33-УД24-6-КЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.11.2023 № 66-УДП23-20-К8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.07.2024 № 6-УДП24-2-К2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.06.2024 № 33-УД24-6-КЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 См., например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.01.2024 № 71-УДП23-11-КЗ; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.08.2024 № 36-УДП24-10-К2; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.10.2024 № 81-УДП24-11-К8 и др. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.10.2024 № 81-УДП24-11-К8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и государству в разных, весьма неочевидных формах, и даже когда ущерб причиняется не двум, а одному объекту – публичному. Например, при совершении служебного подлога сотрудником ФСИН таким заглаживанием вреда государству и восстановлением нарушенных интересов являлось «принесение официальных извинений руководству, признание вины, увольнение со службы по собственному желанию»¹³. При совершении преступлений против здоровья населения (например, наркосбыта) – пожертвования в благотворительные фонды как компенсация вреда, причиненного обществу¹⁴. Значит, заглаживание «публичного» вреда все же признается возможным и активно практикуется, но, как видим, избирательно.

ВОЗМОЖНО ЛИ ПРИМИРЕНИЕ С ГОСУДАРСТВОМ?

Одним из проблемных аспектов применения положений о примирении с потерпевшим при совершении преступлений против публичных интересов является то, что в этих случаях лицо, обладающее правом примириться с виновным, законодательно не определено, равно как и в ситуациях, когда интересы общества или государства выступают основным объектом [13, с. 87]. Иными словами, речь идет о фактическом отсутствии потерпевшего, способного примириться.

Категория потерпевшего в УК РФ не раскрыта. Классический подход к этому субъекту в уголовном праве сформулирован П.С. Дагелем: это физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный (материальный) или моральный вред [14, с. 18–20]. В ст. 42 УПК РФ похожее определение: потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Причем в случае смерти пострадавшего права потер-

певшего переходят к одному из близких родственников (для целей ст. 76 УК РФ с ними тоже возможно примирение, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ).

Однако следует помнить, что статус потерпевшего предполагает появление у лица совокупности прав и обязанностей, и этот статус приобретается формально особым решением правоприменителя. Не углубляясь в дискуссию о соотношении материального и процессуального подходов к понятию потерпевшего (пострадавшего, жертвы преступления), зададимся вопросом о его сущности и, соответственно, определимся: возможно ли по преступлениям против публичных интересов определение потерпевших, которым преступлением причинен вред, и заглаживание им всем вреда? Например, по преступлениям против государственной власти юридически представителем потерпевшего признается орган государственной власти, а потерпевшим фактически будет публично-правовое образование – государство. Именно с учетом позиции такого представителя потерпевшего определяется, например, общественно опасное последствие при злоупотреблении должностными полномочиями и т. п. Возможно ли примирение с таким представителем потерпевшего?

Практика по этому направлению крайне противоречива. Например, при совершении экологических преступлений вред причиняется окружающей среде. По поводу примирения сторон при незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) кассационные суды указывают в одних случаях, что «В. впервые привлекался к уголовной ответственности за совершение преступления небольшой тяжести, возместил причиненный вред в полном объеме в сумме, определенной потерпевшим, через уплату в кассу Министерства лесного хозяйства Республики Башкортостан, примирение между ним и потерпевшим достигнуто... суд обоснованно пришел к выводу об уменьшении опасности содеянного, позволяющей освободить обвиняемого от уголовной ответственности»¹⁵, а в других, наоборот: «принимая решение о прекращении дела, суд оставил без во внимания, что основным непосредственным объектом преступления,

¹³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.09.2019 № 117-УД19-4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6. – С. 6–7.

¹⁴ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 12. С. 25–30.

¹⁵ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2021 № 77-4769/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотренного ч. 2 ст. 260 УК РФ, является не физическое либо юридическое лицо, а экологическая безопасность такого компонента окружающей природной среды, как дикорастущая флора, ее стабильность и природно-ресурсный потенциал в области охраны и рационального использования лесного фонда. Заглаживание вреда в виде полного возмещения материального ущерба ГКУ Амурской области "Шимановское лесничество" нельзя расценивать как удовлетворяющее ст. 76 УК РФ, и оно не свидетельствует о полном заглаживании вреда, причиненного преступлением»¹⁶.

Примечательно, что принципиального решения по указанной ситуации нет ни в УК РФ, ни в судебных позициях Верховного и Конституционного Судов РФ. Этот вопрос может быть решен в рамках не допустимого усмотрения суда, а легального формулирования основания и условий освобождения. Он требует однозначного решения в законе или нормативных судебных позициях, и это решение должно быть единым и системным для всех видов освобождения от ответственности, требующих заглаживания вреда. Учитывая, что в действующем законе круг потерпевших определен широко и без конкретизации, исключений в настоящее время быть не должно – возможность возмещения вреда публичным интересам должна быть, если ее признает потерпевший как сторона примирения и субъект восстановительного отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Освобождение от ответственности в связи с примирением с потерпевшим – компромисс государства и преступника, который возможен, в соответствии с категорией и видовыми характеристиками преступления, при незначительной опасности лица, его совершившего. Такой компромисс имеет серьезные публичные цели и поставлен в зависимость от усмотрения правоприменителя.

Усмотрение в уголовном праве – это объективная необходимость, и оно не просто допустимо, но и в некоторых случаях необходимо, поскольку является наиболее эффективным способом разрешения конкретных

ситуаций со специфическими особенностями учитываемых обстоятельств [15, с. 108–109]. Усмотрение правоприменителя предполагает относительную свободу выбора при принятии решения; наличие пределов усмотрения, установленных законом; обоснованность и справедливость принятого решения; обязательный учет конкретных обстоятельств совершенного общественно опасного деяния [16, с. 9–15]. Эти признаки в рамках примирения сторон в основном соблюдены, и предусмотренный законом уровень усмотрения в данном случае необходим и достаточен: и само примирение, и заглаживание вреда индивидуальны, подтверждаются потерпевшим и верифицируются государством с учетом обстоятельств дела (тем самым подтверждая соблюдение частного интереса), а также с точки зрения наличия оценочного основания (как гармонизация частного интереса с публичным).

Формулировка не рекомендаций по толкованию уголовно-правовой нормы, а новых запретов (о неприменении ст. 76 УК РФ при совершении определенных видов преступлений или для особых субъектов и особых потерпевших) высшим судебным органом трансформирует управомочивающую компромиссную норму в императивную, что не является полномочием судебного органа и может, в свою очередь, быть общественно опасным. Например, вместо освобождения от ответственности по ст. 76 УК РФ в условиях, когда в результате дорожно-транспортного происшествия погибли члены семьи виновного, если примирение имеет место внутри семьи, применение мер уголовной репрессии (надо сказать, в настоящее время крайне суровых по ст. 264 УК РФ) может способствовать утяжелению условий жизни всех членов семьи и формированию отношения к правосудию как к несправедливому. Кроме того, такая практика может способствовать снижению активности лиц, совершивших преступления, на возмещение ущерба.

Право, а не обязанность правоприменителя принять решение об освобождении от ответственности логично используется в законе как инструмент, позволяющий не идти на поводу у частного интереса потерпевшего при решении публичного вопроса об уголовной ответственности, а также определить, учтен ли публичный интерес и в достаточ-

¹⁶ Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2022 по делу № 77-611/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ной ли степени общество защищено от преступных проявлений, насколько необходимо и целесообразно применение уголовной репрессии для восстановления социальной справедливости, исправления лица и предупреждения совершения им преступлений. Если предусмотренная в законе дискреция устраняется, то конструкция компромиссного отношения разрушается, оно становится ма-

лоприменимым и неперспективным для лиц, совершивших преступление. Потому компромиссное содержание этих отношений требует защиты путем установления легальных пределов дискреции с определением основания и уточнением условий принятия решения, не допускающих произвольного и противоречивого применения норм института освобождения от ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор / Н.Г. Елисеев. – Москва : Статут, 2015. – 368 с.
2. Кленова Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве / Т.В. Кленова // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 41–45.
3. Муратова Н.Г. О межотраслевой теории процессуальных соглашений: вопросы гражданского права, цивилистического и уголовного процесса / Н.Г. Муратова, М.Ю. Челышев // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 4. – С. 10–27.
4. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г.В. Абшилава. – Москва, 2012. – 55 с.
5. Сидоренко Э.Л. Частные начала в уголовном праве / Э.Л. Сидоренко, М.А. Карабут. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. – 212 с.
6. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика : монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2021. – 436 с.
7. Терских А.И. Компромисс в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Терских. – Екатеринбург, 2013. – 29 с.
8. Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Х.Д. Аликперов. – Москва, 1992. – 36 с.
9. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с.
10. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики / В.В. Сверчков. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 583 с.
11. Ухова Е. В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : монография / Е.В. Ухова. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 144 с.
12. Гарбатович Д.А. Возмещение ущерба и иное заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности (ст. 76, 762 УК РФ) в зависимости от особенностей объекта преступления / Д.А. Гарбатович // Уголовное право. – 2024. – № 12. – С. 12–27.
13. Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом общей судебной практики : научно-практическое пособие / А.В. Бриллиантов. – Москва : Проспект, 2014. – 111 с.

REFERENCES

1. Eliseev N.G. Procedural Agreement. Moscow, Statut Publ., 2015. 368 p.
2. Klenova T.V. On the Compatibility of Public and Private Interests in Criminal Law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2006, no. 2, pp. 41–45. (In Russian).
3. Muratova N.G., Chelyshev M.Yu. On the Inter-Branch Theory of Procedural Agreements: Issues of Civil Law, Civilistic and Criminal Procedure. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of Civil Procedure*, 2012, no. 4, pp. 10–27. (In Russian).
4. Abshilava G.V. Conciliation Procedures in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2012. 55 p.
5. Sidorenko E.L., Karabut M.A. Private Principles in Criminal Law. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2007. 212 p.
6. Pudovochkin Yu.E. (ed.). Exemption from Criminal Liability: Theory, Law, Practice. Russian State University of Justice Publ., 2021. 436 p.
7. Tersikh A.I. Compromise in Russian Criminal Law. *Cand. Diss. Thesis*. Yekaterinburg, 2013. 29 p.
8. Alikperov Kh.D. Problems of Admissibility of Compromise in the Fight Against Crime. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 1992. 36 p.
9. Golovko L.V. Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2002. 544 p.
10. Sverchkov V.V. Release from Criminal Liability, Termination of a Criminal Case (Prosecution), Refusal to Initiate It: Problems of Theory and Practice. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2008. 583 p.
11. Ukhova E.V. Institute of Private Prosecution in Criminal Proceedings. Moscow, YurLitinform Publ., 2008. 144 p.
12. Garbatovich D.A. Compensation for Damage and Other Compensation for Harm as Conditions for Release from Criminal Liability (Articles 76, 762 of the Criminal Code of the Russian Federation) Depending on the Characteristics of the Object of the Crime. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2024, no. 12, pp. 12–27. (In Russian).
13. Brilliantov A.V. Release from Criminal Liability: Taking into Account General Judicial Practice. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 111 p.
14. Dagal P.S. (ed.). Victim of a Crime. Far Eastern University Publ., 1974. 217 p.

14. Потерпевший от преступления : монография / отв. ред. П.С. Дагель. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1974. – 217 с.

15. Жевлаков Э.Н. Усмотрение в уголовном праве и уголовном процессе / Э.Н. Жевлаков, И.Э. Звечаровский, В.С. Минская, А.В. Наумов, Н.Ю. Решетова, А.В. Савкин, А.Г. Халиулин // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 108–113.

16. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве / Ю.В. Грачева. – Москва : Проспект, 2016. – 104 с.

15. Zhevlakov E.N., Zvecharovsky I.E., Minskaya V.S., Naumov A.V., Reshetova N.Yu., Savkin A.V., Khaliulin A.G. Discretion in Criminal Law and Criminal Procedure. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 1, pp. 108–113. (In Russian).

16. Gracheva Yu.V. Judicial Discretion in Criminal Law. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 104 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климанова Ольга Валериевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klimanova Olga Valerievna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 16.01.2025.
The article was submitted 12.12.2024; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 16.01.2025.